

ПРЕСТУПЛЕНИЕ В ПЛОСКОСТИ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНО-ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОЙ ОНТОЛОГИИ

Ирина КИРИЧЕНКО,

адъюнкт кафедры философии права и юридической логики
Национальной академии внутренних дел

Summary

In this article an attempt to analyze the works of philosophers, who worked in the plane of the existential-phenomenological ontology and bring the concept of a crime specified period. Because crime as a phenomenon always reserves the right to bring scientific interest as it is an integral part of the social existence of man. It should be noted that in conditions of crisis at the analysis of the concept of crime is a difficulty in determining what the act is considered a crime, criminal and what is not. On the way researcher danger comparison of the norms, determined by the Statute and rules, established the public will. Each concept claim to universality and invulnerability, but in each revealed the presence of unsaid or contradictory elements.

Key words: crime, law, existentialism, phenomenology, ontology, existential-phenomenological approach, philosophy.

Аннотация

В данной статье совершена попытка проанализировать произведения философов, работавших в плоскости экзистенциально-феноменологической онтологии и вывести понятие преступления указанного периода. Ведь преступление как феномен всегда сохраняет за собой право возбуждать научный интерес, поскольку является органической составляющей социального бытия человека. При этом следует отметить, что в условиях кризиса при анализе понятия преступления возникают трудности в определении, какое деяние считать противоправным, преступным, а какое – нет. На пути исследователя подстерегает опасность сравнения нормы, определенной законом, и правила, установленного общественной волей. Каждое из понятий претендует на универсальность и неуязвимость, но в каждом выявляется наличие недосказанных или противоречивых элементов.

Ключевые слова: преступление, право, экзистенциализм, феноменология, онтология, экзистенциально-феноменологический подход, философия.

Постановка проблемы. Среди философско-правовых учений конца XIX начала XX века особое место занимает экзистенциально-феноменологическая онтология. Особого внимания заслуживают работы тех репрезентантов, которые уделяли внимание понятию «преступление», изучали проблему, которую при обращении к категории «преступление» можно трактовать как общую для юристов и философов. Решение этой проблемы связано с важными научными задачами, направленными на междисциплинарную корреляцию категории «преступление» как таковой, способной функционировать в поле научного пространства, а следовательно, и изменение в этом сегменте коммуникативных разрывов между философами и юристами. Этот вопрос актуален, поскольку существование таких разрывов усложняет решение системных проблем и препятствует интеграции научных мощностей в единый комплекс, который решает проблемы, связанные с законотворчеством и сопровождением законодательного процесса.

Актуальность темы исследования. Несмотря на существующие разногласия в трактовке понятий и интерпретаций феномена преступления, общим является интерес к экзистенциальному и к феноменологическому

трактованию «жизненной» эмпирии и интерпретации этого понятия. Фундаментом экзистенциально-феноменологического подхода в философии права является онтологический плюрализм, а также философский экзистенциализм и феноменология, которые создают необходимые основания для критики естественнонаучного подхода, доминирующего во многих направлениях социально-философских исследований.

Состояние исследования. Среди современных теорий обоснования права, которые работают в парадигме интересубъективности, выделяются онтологические и коммуникативные концепции. Первые представлены правовым экзистенциализмом, или экзистенциальной феноменологией (М. Мюллер, Е. Фехнер, В. Майхофер) и правовой герменевтики (А. Кауфман, В. Гассемер, П. Рикер). Другие – коммуникативной философией (Апель и Ю. Хабермас) [6, с. 288-294].

Цель и задачи статьи. В контексте экзистенциально-феноменологического подхода к преступлению основная задача заключается в понимании и толковании преступления как экзистенциального явления, в его различении и соотношении с официальным законом (позитивным правом). В этом аспекте экзистенциальное явление (преступление) предстает как настоящее (аутен-

тичное) право (как проявление «подлинного бытия», экзистенции), а закон (позитивное право) – как нечто ненастоящее, отчужденное от человека, а следовательно, как такое, что противоречит его экзистенциальной сущности, как обезличена объективирована форма проявления «недействительного существования».

Изложения основного материала. В конце XIX-начале XX века мыслители акцентировали внимание на идею абсолютной уникальности человеческого бытия, сосредоточившись на проблеме человека и его места в мире, в том числе и на проблеме духовной выдержки человека. Ведь человек стоит перед альтернативой выбора подлинного бытия, в котором она находит и открывает себя.

Уже в философии А. Шопенгауэра и Ф. Ницше появляется тема радикального отличия человеческого бытия от бытия социума и бытия мира в целом. Само бытие человека словно раскалывается на две сферы, которые отнюдь не находятся в гармоническом единстве: собственно бытие человека обладает особым даром самоопределения, и сфера социальности, общества, имеет свои законы, причинно-следственные связи. Выясняется, что сознание, ориентировано снаружи на решение каких-то инструментальных задач,

проходит мимо самого главного – человеческой жизни и ее смысла. Социальность как является следствие такой установки сознания, лишает человека широких жизненных ориентаций и в итоге это приводит к потере человеком собственного естества [3, с. 78]. Экзистенциально-феноменологическая онтология радикально отказывается от того образа человека, который безраздельно властвовал в классической философии. Если позицией ученых прошлых веков были посторонние наблюдения, то это направление является попыткой подойти к человеку «изнутри», с точки зрения ее собственных жизненных задач. В центре внимания – человек, его правовая экзистенция. «Существование – это не то, о чем можно рассуждать со стороны: нужно, чтобы оно вдруг нахлынуло, навалилось на тебя, всей тяжестью легло тебе на сердце, как огромный неподвижный зверь – или ничего этого просто – за просто отсутствуют...» [9, с. 328].

Содержание экзистенциально-феноменологической онтологии заключается в том, что человек стоит перед альтернативой выбора подлинного бытия, в котором он находит и открывает себя. Человек стоит на распутье и решает проблему самого себя, собственного индивидуального существования.

Предтечей современного экзистенциально-феноменологического направления в философии права стали взгляды Ф. Ницше (1844-1900), которые изложены в работах «По ту сторону добра и зла» (1886), «Так говорил Заратустра» (1883-1884), «Воля к власти» (1889) и др. Государство и право, в соответствии с учением философа, являются составляющими культуры, выступают как мировая по своим масштабам борьба сил и воли. В своем учении философ попытался обосновать кастовые идеалы, утверждая, что все люди естественно подразделяются на гениев, исполнителей их воли, которые обеспечивают порядок в государстве, а также обычных людей. Всю глубину новых нравов и новых ценностей, которую должна установить каста избранных, можно охарактеризовать следующими словами Ф. Ницше: «Уже унаследованное чувство, что он есть высшее существо с высшими стремлениями, делает его достаточно холодным и оставляет его совесть спокойной; ведь даже все

мы не ощущаем никакой несправедливости, когда, например, убиваем комара без всяких угрызений совести. Отдельный человек устраняется, в этом случае, как неприятное насекомое. Он стоит очень низко, чтобы иметь право возбуждать тяжелые ощущения у владетеля мира» [7, с. 185].

Своеобразным у Ф. Ницше было также учение о праве, которое он рассматривал как производное, вторичное от воли к власти, результат войны и победы. Право фиксирует, закрепляет результаты борьбы, войны различных воли за власть и является чем-то вроде договора сторон, которые борются за власть. Преступление же трактуется как нарушение публичных законов, которое лишает нарушителя возможности быть гражданином. В частности, кражи, разбой относятся к публичным преступлениям, поскольку подвергают опасности не отдельную личность, а общество. На основании этого нарушение закона фигурирует как противоправное посягательство как на общую свободу, так и на свободу отдельного индивида, нарушает требование категорического императива и подлежит уголовному суду [7, с. 202]. Осуществляя посягательства, свободный человек хочет во всем зависеть от самого себя, а не от какой-либо устоявшейся традиции. Великий создатель всегда индивидуальный никому и ничему не подчинен [8, с. 450]. В своих работах Ф. Ницше пишет: «Мы считаем, что суровость, насилие, рабство, опасность на улице и в сердце, скрытность, хитрость искушителя и чертовщина всякого рода, что все плохо, ужасно, тираническое, хищное и змеиное в человеке, так же способствуют подъему типа человека, как и ее противоположность» [8, с. 328].

Нигилизм философии Ф. Ницше констатировал глубокий кризис человеческой духовности, а вызов «Бог умер, ценности обесцениваются» требовал необходимого ответа в философско-правовой рефлексии, которая в интеллектуальной ситуации в значительной степени репрезентировалась в феноменологической теории «трансцендентальной субъективности» Э. Гуссерля и ее различных онтологических, экзистенциальных и герменевтических модификациях (М. Хайдеггер, М. Гартман, поздний В. Дильтей, Н. Гадамер, П. Рикер).

В работе «Наука о духе» немецкого историка культуры и философа В. Дильтея (1833-1911) предметом понимания жизни, сознания, его поступков, законных или нет, провозглашено письменно фиксированные жизненные проявления. Такое понимание определено ученым как непосредственное постижение целостного переживания, духовной целостности, которая составляет сущность человека. Понимание внутреннего мира человека достигается самонаблюдением, пониманием чужого мира путем устранения, вживания, сопереживания.

В системе взглядов В. Дильтея преступление представлено как сфера чего-то должного, то есть того, чего в обычном понимании нет, но реальность которого, однако, значима для человека. Что в таком случае выступает онтологической основой преступления. Преступление, по мнению В. Дильтея, – это не природное явление и никакой «естественной склонности» к совершению преступления в природе обнаружить невозможно. Природа – это царство объектов, а преступление – это сфера субъекта. Можно считать в таком случае субстанциальной основой преступления общество? Хотя преступление и возникает только в обществе, связанное с ним и имеет социальную сущность, но суть эта уже не собственно преступления, а его проявлений. Поэтому говорить о какой-либо субстанциональной основе преступления не имеет смысла. Однако это не означает, что преступление не входит в бытие человека. Правовая реальность оказывается в таком аспекте бытия человека, которое содержит моменты долженствования, когда она сталкивается с бытием другого человека и это совместное существование грозит обернуться преступлением. Поэтому не любое человеческое взаимодействие выступает основой преступления, а лишь то, которое содержит моменты долженствования, обязательства, порождает преступление. Взаимодействие субъектов выступает причиной совершения преступления не в субстанциальной, а в социально-идеальном, экзистенциально-феноменологическом смысле.

Не случайно современник В. Дильтея Е. Эрлих (1862-1922), автор труда «Обязательное и необязательное право в Гражданском уложении Германской

империи» (1899), утверждал, что право коренится не в законах, а в самом обществе. Источник права следует искать в поведении людей, которые реализуют это право. Фактические отношения в хозяйственной, политической и других сферах независимо от суверена и его законов формируются в фактические правила поведения, правовые нормы. Более того, каждая общность людей – организация, профсоюз, рабочий коллектив, а также производственная структура – фабрика, предприятие, учреждение и другие структуры общества создают свой порядок, свое право и не важно соответствует оно установленному закону или нет [4, с. 34].

Характеризуя преступное действие, Е. Эрлих развивает мысль о полном отсутствии в нем творческого начала. Преступление, по образному сравнению ученого, копошится в мире мертвых тел, все новое, живое, нетрадиционное проходит мимо, и индивиду при совершении преступления остается только полное «непонимание жизни» [2, с. 88].

Исследуя проблемы человеческого одиночества, социального познания, интерсубъективности, американский ученый Дж. А. Келли (1905-1967) подчеркивал, что для понимания преступления значительно более важно изучение не фактов и событий самих по себе, а их интерпретаций. Индивид во взаимодействии с окружающим миром оперирует не какой-то абстрактной объективной реальностью, а своей интерпретацией этой реальности. Проявляя активное и творческое бытие, он создает свои, опосредованные контекстом культуры и индивидуальной психофизической своеобразия версии различных аспектов бытия, выступающих в форме личностных конструктов или схем, которые и определяют отношение и понимание того, что происходит. Эти конструкты (схемы) представляют собой своеобразный алфавит когнитивных репрезентаций мира, без знания которого понимание преступления становится искаженным.

Другой американский мыслитель Дж. Роттер (1916), поддерживая такую позицию, в своих исследованиях отмечал, что в жизни людей существует огромное количество двусмысленностей и изменчивости в интерпретациях и ожиданиях в отношении различных

событий и фактов. Без знаний о специфике индивидуальных репрезентаций этих событий и фактов становится невозможным предсказание преступного поведения.

Экзистенциально-феноменологический подход к описанию мира сквозь призму права и нравственности, возможно только в том случае, если соблюдаются как минимум следующие условия: во-первых, признание свободы воли, то есть полной возможности каждого человека поступать так или иначе и соответственно этому выполнять или не выполнять свой моральный или правовой долг; причем для соблюдения закона это требование оказывается особенно значимым; во-вторых, признание принципиальной возможности нормы должного, т. е. критерия добра и зла, справедливости и несправедливости, предписывающий поступать так, а не иначе, то и в соответствии с этим оценивает человеческие поступки как добрые или злые, справедливые или несправедливые, преступные или нет.

Предпосылки человеческой свободы и нормы надлежащего составляют логический минимум экзистенциально-феноменологической реальности. Связь между ними такова: когда человек не свободен, то она не отвечает за свои поступки, а если она не отвечает за свои поступки, то ни о каких нормах оценки его действий речи быть не может. Человек подчиняется законам экзистенциально-феноменологического, онтологического плана и эмпирически – онтологического, причинного плана. Это две реальности, в которых живет человек и с позиций которых его действия рассматриваются.

В рамках экзистенциально-феноменологической реальности преступление – это нарушение свободной волей нормы должного, предписывает людям воздерживаться от деяний известных, то есть на самого преступника одевается маска нравственной личности, обладающей свободой волей и связанной экзистенциальной нормой; под этой маской все и каждый поднимаются на одинаковую высоту – они признаются свободными. С позиций же онтологическо-эмпирической реальности, где все подчинено причинному детерминизму, преступник – раб биологической природы и об-

стоятельств, а потому здесь нет места для свободы воли. По экзистенциально-феноменологическим толкованием реальности, преступление в целом, как какой-либо из социальных феноменов, заключается в особом способе проявления – в том, что он действует на человека не из-за внешней причины, а по внутренним побуждениям. Он относится к сфере значимости, отличается от сферы эмпирически-социальных проявлений, в исследовании этой сферы познавательные средства должны быть особые, отличающиеся от тех, которые применяются при познании мира эмпирического, поскольку сочетают в себе познавательные и оценочные моменты. Так, преступление находит выражение в ментальных установках, идеях и теориях, в форме знаково-символической нормы и институтов, в человеческих действиях и отношениях, то есть в разных проявлениях правовой реальности. То есть, рассмотрение феномена преступления с позиции экзистенциально-онтологического подхода предполагает анализ его структуры: что составляет суть феномена преступления, по которому он должен соответствовать своему негативному назначению.

Сторонники экзистенциально-феноменологической философии исследовали право, противопоставляя эмпирическое бытие и экзистенцию человека. Позитивное право как результат опыта является искусственным явлением. Свою жизненную силу оно получает от экзистенции, в процессе жизнедеятельности человека в различных «предельных ситуациях». Вследствие этого позитивное право в своей основе определяется экзистенцией человека, его независимой волей и рассматривается авторами этой теории как экзистенциальное естественное право.

Таким образом, при анализе интерсубъективистских направлений возникают трудности в определении, какое деяние считать противоправным, преступным, а какое нет. На пути исследователя подстерегает опасность сравнение нормы, определенной законом и правила, установленную общественной волей. Каждое из понятий претендует на универсальность и неуязвимость, но в каждом выявляется наличие недосказанных или противоречивых элементов.

Не случайно французский ученый и судья М. Ансель в своих работах акцентировал внимание на средствах укрепления «новой социальной защиты» человека. В своей «Программе-манифесте социальной защиты» специалист по праву и криминологии отошел от крайностей выдвинутой еще в первые послевоенные годы итальянским графом Ф. Граматику доктрины охраны общества от преступников путем усиления репрессий и обосновал новую, гуманистическую уголовную политику. М. Ансель раскритиковал как «злоупотребление юридизмом», так и утопизмом Ф. Граматики и доказал необходимость «деюридизации» уголовного права, что означало отказ от призывов «неюристов» (так М. Ансель называл сторонников «чистого права») к усилению репрессий. Под «новой социальной защитой» он понимал перенос центра тяжести с репрессивных мер к предотвращению преступлений и исправительного воздействия на преступника, в частности, выступил за расширение «совокупности средств, не имеющих криминального характера в прямом смысле слова» [1, С. 202].

Главным в защите общества от преступности должна стать система предупреждения преступлений и ресоциализация (пробуждение духовных сил индивида, утверждение его веры в себя, возвращение чувства личной ответственности, человеческого достоинства, нравственных идеалов и т. д.). Только в таком случае, по мнению ученого, право каждого государства сможет сохранить свое лицо и чисто национальные традиции, а преступления как нарушение целостности и гармонизации в праве, позволит повысить эффективность действия права, поднять на высшую ступень юридическое сознание правоприменителей, которые должны стоять на защите соблюдения права.

По мнению аргентинского правоведа и философа К. Коссио, высказанного в работе «Право в судебном праве»: «Интерпретация закона полностью похожа на интерпретацию музыкальной партитуры» [5, с. 204]. Едва ли не самой выдающейся заслугой К. Коссио стало то, что он, будучи одиночкой среди латиноамериканских юристов, вполне погрузился в антиюридизм Г. Кельзена, с позиций экзистенциальной

феноменологии и кантианства выступил за преодоление ограниченности нормативизма, за «историческое понимание» права как уникальной культурной субстанции, что «дается в опыте», существует во времени и имеет ценностный аспект, который определяет поведение человека.

Основой выдвинутой ученым экзистенциально-феноменологической теории права есть понимание сути последнего как поведения человека, поскольку само поведение и есть право, «познание которого формулирует юрист, который понял его смысл» [5, с. 206]. Причем в этом смысле важным является не норма, а поведение в ее «интерсубъективной интерференции», то есть в тесной связи, «на перекрестке» с поведением других индивидов. Именно на таком пути возникает «феноменологическая свобода», что имеет как положительные, так и отрицательные оттенки. «Право есть только тогда, когда познается тем, кем оно есть» [5, с. 207], т. е. когда его содержание можно понять, истолковать, объяснить, интерпретировать.

Отсюда следует важное для исследователей правило: толкуется не право, не закон, а человеческое поведение через закон, поскольку последний – это только концептуальное отражение, а разъяснение является способом познания. Стержневым в познании и толковании права как экзистенциально-феноменологического объекта, по мнению К. Коссио, есть познание, поскольку главными ценностями в праве есть справедливость, порядок, солидарность и др. [5, с. 210].

Преступное деяние можно определить как меру реализации целевых возможностей воздействия права на характер и состояние социальных отношений и на их изменения. Причем на исследование воздействия права на состояние всей совокупности общественных отношений как системной целостности, отражает необходимость подхода к преступлению как явлению, которое проявляет себя в отношении конкретных общественных явлений и отражает себя в связи с этим его существенные социальные признаки.

Каким бы ни было истолкование права, оно представляет собой выработанную и испытанную человечеством на протяжении тысячелетий оптималь-

ную стратегию жизни и общения людей как разумных существ. В рамках этой стратегии общество предлагает выбор ценностно-значимых вариантов поведения. С другой стороны, право, как реальное общественное явление, всегда есть какой-то свободоустановленностью, – и в этом своем качестве оно выступает как позитивное право, особенностью которого является нормативность, гибкость относительно социальных обстоятельств формирования и применения, принуждение к исполнению. Отказ же от пользования правом ставит под сомнение саму регулятивную возможность права как общественного института.

Выводы. Таким образом формирование неклассической модели правосознания связано с экзистенциально-феноменологической трансформацией, которая оказалась в протесте против власти формальных норм, не позволяющих человеку реализовать ее экзистенцию. Ведь лицо соглашается жить в соответствии только с теми нормами, которые не нивелируют личность. В таком случае возникает необходимость поиска новых способов для перехода от рационально – теоретического познания сущности правовых явлений к отысканию конкретных критериев справедливости судебных решений, от поиска рационального обобщающего принципа к жизненной конкретности.

Итак, преступление является социальным феноменом, соответственно с этим его бытие может и должно стать объектом самостоятельного социально-правового исследования. Поскольку бытие преступления объективизируется только через деятельность, определенное поведение в реальных общественных обстоятельствах конкретных личностей, общественная эффективность права проявляется в форме определенного социально-правового механизма, то есть существование таких взаимосвязанных между правом и последствиями его влияния, которые могут быть заблаговременно предусмотрены после совершения преступного деяния.

Список использованной литературы:

1. Ансель М. Новая социальная защита (гуманистическое движение в

уголовной политике): Пер. с фр. Лапшина П. С. – М. : Прогресс, 1970. – 312 с.

2. Бачинин В. А., Сандулов Ю. А. История западной социологии : учебник. – СПб. : Издательство «Лань», 2002. – 384 с. – (Мир культуры, истории и философии).

3. Беслюбняк О. О. Гуманістично-методологічні параметри екзистенційної філософії // Мультиверсум: філософський альманах. – К. : «Український Центр духовної культури», 2006. – Вип. 59. – С. 77-86.

4. Буковина. Визначні постаті: 1875–1919 (Біографічний довідник)/ Автор-упор. О. М. Павлюк. – Чернівці : Золоті литаври, 2000. – 252 с.

5. Коссио К. Право в судейском праве / К. Коссио // цит. по: Антология мировой правовой мысли: в 5 т. – Т. 3. Европа. Америка: XVII–XX вв. – М. : Мысль, 1999. – С. 718-735.

6. Мельничук Н. Ю. Категорії злочин та покарання в європейській філософській традиції / Н. Ю. Мельничук. – Львів : Край, 2009. – 360 с.

7. Ницше Ф. Воля к власти / Пер. с нем. – М. : Т.О.О. «Транспорт», 1995. – 302 с.

8. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла; Казус Вагнера; Антихрист; Эссе Номо : сборник / Пер. с нем.; Худ. Обл. М. В. Драко. – Мн. : О.О.О. «Попури», 1997. – 544 с.

9. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов / Сост. и общ. ред. А. А. Яковлева. – М. : Политиздат, 1991. – С. 319-344.

СОДЕРЖАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ ПРЕМЬЕР-МИНИСТРА УКРАИНЫ В УСЛОВИЯХ ЕВРОИНТЕГРАЦИОННЫХ СТРЕМЛЕНИЙ УКРАИНСКОГО ГОСУДАРСТВА

Владимир КОБРИН,

ассистент кафедры основ права

Львовского национального университета имени Ивана Франко

Summary

Article is devoted to the constitutional and legal status of the Prime Minister of Ukraine and the features that it conveys. Detailed studies performed political functions of the Prime Minister of Ukraine and outlines problems understanding its nature, content and implementation mechanisms.

Key words: Prime Minister of Ukraine, function, function of political.

Аннотация

Статья посвящена вопросам конституционно-правового статуса Премьер-министра Украины и функциям, которые ему присущи. Подробно проводится исследование политической функции Премьер-министра Украины и определяются проблемы с пониманием ее сущности, содержания и механизмов реализации.

Ключевые слова: Премьер-министр Украины, функция, политическая функция.

Вступительная часть. Вопросы организации и деятельности органов публичной власти, их функционального назначения, взаимоотношения между отдельными ее структурными элементами неоднократно становились предметом публикаций различных ученых в области конституционного права. Выход Украины на мировую арену, последовательная и настойчивая работа на пути к заветной политической ассоциации и зоне свободной торговли с Европейским Союзом стимулирует, в том числе и ученых к исследованиям различных вопросов организации власти по лучшим образцам развитых конституционных государств.

Состояние разработки проблематики в литературе. В последнее время все более популярным и взятым на вооружение со стороны конституционалистов является освещение вопросов, связанных с конституционно-правовым статусом Премьер-министра Украины. Так, в свое время эти вопросы исследовались такими известными учеными, как В. Аверьянов, Ю. Битяк, И. Дахова, А. Езеров, В. Ермолин, А. Крупчан, Р. Мартынюк, В. Марченко, Г. Павленко, В. Шаповал и др. Сейчас обозначенными вопросами активно занимаются З.С. Макарова [1], Д.Ю. Приймак [2], О.В. Совгира [3] и т. п. Так, О.С. Макарова недавно защитила

кандидатскую диссертацию на тему: «Конституционно-правовой статус главы правительства: сравнительно-правовой аспект» [4], а О.В. Совгира издала основательную монографию по теме: «Конституционно-правовой статус Кабинета Министров Украины: современное состояние и тенденции развития» [5], в которой помимо всего прочего описывается и статус Главы украинского Правительства – Премьер-министра Украины.

Вопросы же, связанные с анализом функций Премьер-министра Украины исследованы нами в 2009 г. в статье: «Функции премьер-министра Украины», в которой было проведено характеристику основных направлений деятельности Главы Правительства Украины по характеру его полномочий [6] и Макаровой З.С. в материалах международной конференции 2011 г. в г. Одесса [7]. Более данные вопросы предметом научного исследования в Украине не становились.

Мы же продолжая исследования различных элементов конституционно-правового статуса Премьер-министра Украины, в том числе и его функций, считаем целесообразным обратить внимание и провести конституционно-правовой анализ политической функции Премьер-министра Украины, которая непосредственно вытекает из его правовой природы и указывает на